

ПАМЯТНИКИ

РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ЗАКОПОДАТЕЛЬСТВА.

Стоглавъ. Казань 1862 г. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г.
И. В. Бѣляева. Москва 1863.

Стоглавъ и наказные списки по Стоглаву, вотъ двѣ книги давно ждавшія изданія и наконецъ дождавшіяся его. Теперь изслѣдователи Русской исторіи могутъ свободно пользоваться двумя самыми замѣчательными памятниками XVI столѣтія, наглядно свидѣтельствующими объ отношеніи православной Церкви къ государству и обществу въ московскихъ владѣніяхъ. Глубокая и искренняя благодарность отъ всѣхъ занимающихся Русскою исторіей какъ казанской духовной академіи, надѣлившей нашу ученую литературу изданіемъ многихъ важныхъ памятниковъ русской церковной литературы прежняго времени и наконецъ издавшей Стоглавъ, такъ и уважаемому нашему, ученому И. В. Бѣляеву, уже давно заслужившему извѣстность по своимъ глубокимъ историческимъ изслѣдованіямъ (*) и теперь издавшему отысканные имъ наказные списки по Стоглаву и снабдившему ихъ своими превосходными замѣчаніями. Съ изданіемъ Стоглава и наказ-

(*) Статья г. И. В. Бѣляева о Стоглавѣ, напечатанная въ *Русской Бесѣдѣ*, переведена и на нѣмецкій языкъ въ изданіи Боденштедта. *Ред.*

ныхъ списковъ по Стоглаву изслѣдователи Русской исторіи не только могутъ подробно обслѣдить значеніе Стоглава въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія, но и показать отношенія его какъ къ предшествовавшимъ памятникамъ законодательства русской Церкви, напримѣръ къ уставамъ князей Владиміра, Ярослава, Всеволода, Ростислава и другихъ, къ церковнымъ правиламъ митрополитовъ Іоанна и Кирилла и къ инымъ памятникамъ тогоже разряда,—такъ и къ церковнымъ русскимъ законамъ, явившимся послѣ изданія Стоглава,—къ дѣянію Московскаго собора 1667 года, къ духовному регламенту и другимъ. Съ изданіемъ Стоглава и наказныхъ списковъ по Стоглаву рушилась та глухая стѣна, которая отдѣляла законодательные памятники нашей Церкви въ XVI столѣтіи и въ предшествовавшихъ вѣкахъ отъ такихъ же памятниковъ XVII столѣтія и послѣдующаго времени. Теперь для исторіка церковнаго законодательства на Руси не будетъ того досаднаго перерыва между старымъ и новымъ законодательствомъ, который доселѣ страшно путалъ понятія ученыхъ о постепенномъ развитіи законодательства въ русской Церкви.

Казалось бы всѣ должны радоваться, что ненавистная стѣна, такъ долго мѣшавшая видѣть ясно непрерывное развитіе церковнаго законодательства въ Россіи, наконецъ пала; но къ сожалѣнію еще находятся люди, которымъ жалко павшей стѣны и которые, не имѣя возможности поддержать ее, стараются замѣнить ее скороспѣлыми перегородками собственной работы. И эти жалкія перегородки, къ крайнему удивленію, мы встрѣчаемъ въ предисловіи и послѣсловіи къ изданію Стоглава казанскою духовною академіей. Впрочемъ редакція, занимавшаяся изданіемъ Стоглава (*), въ этомъ странномъ дѣлѣ поступила съ возможною для нея добросовѣстностію и стараніемъ добраться до истины,—и хотя соб-

(*) Въ мартов. книжкѣ Православнаго Собесѣдника за нынѣшній годъ уже объявлено, что редакція Стоглава, предисловіе и послѣсловіе принадлежатъ бакалавру казан. дух. академіи г. Добротворскому.

ственно до истины не добралась, тѣмъ не менѣе своимъ добросовѣстнымъ трудомъ доказала, что при всемъ желаніи нельзя измѣнить совершившагося факта и рухнувшую стѣну замѣнить легонькою перегородкой. Я съ своей стороны весьма благодаренъ казанской редакціи Стоглава за ея старанія заподозрить и уничтожить значеніе этого важнаго памятника; ибо въ сущности она не только не достигла этого, а напротивъ, своимъ добросовѣстнымъ трудомъ, хотя и ложно направленнымъ, собрала такія фактическія доказательства въ пользу Стоглава, что теперь серьезнаго спора о значеніи Стоглава не можетъ и быть и это дѣло въ наукѣ стало окончательно рѣшеннымъ,—остается только строго подвести итоги того, что уже собрано казанскою редакціей Стоглава въ предисловіи и послѣсловіи къ этому памятнику.

Въ предисловіи къ Стоглаву казанская редакція говоритъ о значеніи Стоглава, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, не требующемъ доказательствъ. Вотъ подлинныя слова предисловія: «Всѣ, болѣе важные вопросы о Стоглавѣ уже рѣшены. Теперь никто, кромѣ самыхъ темныхъ людей, не станетъ считать его ни канонической книгой православной русской Церкви, ни подлинными, неповрежденными актами самого собора. Исслѣдовано, дознано и доказано, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, что эта книга составлена кѣмъ-нибудь, можетъ быть даже членомъ стоглаваго собора (1551 г.), но уже послѣ собора, изъ черновыхъ записокъ, бывшихъ или приготовленныхъ только для разсмотрѣнія на соборѣ, но неразсмотрѣнныхъ (всецѣло), неприведенныхъ въ формы церковныхъ постановленій, неутвержденныхъ подписями и не обнародованныхъ для руководства». Здѣсь, кажется, сказано все ясно, категорически,—Стоглавъ не каноническая книга, въ немъ не подлинныя акты Московскаго собора, онъ составленъ кѣмъ-то послѣ собора изъ черновыхъ записокъ. послѣ такого непреложнаго категорическаго заявленія и говорить уже нечего, сомнѣній болѣе нѣтъ, дѣло рѣшено и никакихъ доказательствъ не нужно; новая загородка на мѣсто рухнув-

шей стѣны уже готова, тѣма, покрывавшая это дѣло, возвратилась и опять покрываетъ его попрежнему; Стоглавъ хотя и напечатанъ, но онъ не каноническая книга, а такъ какой-то сумбуръ, составленный кѣмъ-то изъ черновыхъ записокъ. Но ученая редакція сама же замѣтила, что таковыя категорическимъ заявленіемъ никого не убѣдишь, и добросовѣстно принялась за сборъ доказательствъ для того самаго дѣла, которое объявила доказаннымъ, рѣшеннымъ, и для этого написала послѣсловіе, которое въ двадцать кратъ пространнѣе предисловія и составлено уже не съ прежнею категоричностію, а напротивъ съ большими ограниченіями и уступками,—такъ что, по собственному сознанію редакціи, дѣло оказывается не такъ яснымъ и оконченнымъ, какъ это наввно утверждалось въ предисловіи.

На первой же страницѣ послѣсловія редакція уже не съ прежнею самоувѣренностію заявляетъ о неканоничности Стоглава, а напротивъ говоритъ: «одни ученые признаютъ книгу Стоглавъ соборнымъ уложеніемъ м. Макарія и всѣхъ шедшихся въ Москвѣ іерарховъ, другіе же не признаютъ Стоглавъ такимъ уложеніемъ, а считаютъ его черновыми записками, оставшимися отъ собора 1551 года». Мало этого,—вслѣдъ за такою постановкою вопроса, редакція прямо приступаетъ къ собранію древнихъ свидѣтельствъ въ пользу признанія Стоглава официальною каноническою книгой.

И во 1-хъ представляетъ трп официальные указанія, въ которыхъ упоминается о соборномъ уложеніи м. Макарія и другихъ іерарховъ русской Церкви, изъ коихъ одно относится къ 1551 году, т. е. къ году Московскаго собора, на которомъ изданъ Стоглавъ, одно къ 1554 году и одно къ 1560 году, изъ которыхъ, по сознанію самой редакціи, подъ соборнымъ уложеніемъ м. Макарія нельзя разумѣть ничего инаго, кроме постановленій Стоглава.

Во 2-хъ редакція собираетъ *официальные законодательные акты, составленные по Стоглаву и содержащіе въ себѣ тѣ или другія главы Стоглава*, и представляетъ таковыхъ ак-

товъ двадцать четыре, изъ коихъ 16 относятся ко второй половинѣ XVI столѣтія и 8 къ первой половинѣ XVII столѣтія и въ своихъ постановленіяхъ содержатъ почти всѣ главы Стоглава, такъ напримѣръ въ одномъ каргопольскомъ наказѣ выписано болѣе тридцати главъ этого памятника. Нѣкоторые изъ официальныхъ актовъ, здѣсь собранныхъ редакціею, такъ ясно выставляютъ, что соборное уложеніе 1551 года есть именно Стоглавъ, что сама редакція, приводя одинъ изъ таковыхъ актовъ, именно грамоту 1551 года въ Симоновъ монастырь, прямо говоритъ: «по нашему мнѣнію весьма трудно доказать, чтобы соборная книга (указанная въ этой грамотѣ) была не Стоглавъ, а иная».

Наконецъ въ 3-хъ редакціяхъ представлена *пять официальныхъ актовъ XVII столѣтія, въ которыхъ Стоглавъ прямо названъ соборнымъ уложеніемъ м. Макарія*, и въ числѣ ихъ дѣянія Московскаго собора 1667 года, который прямо говоритъ: «Соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макарія митрополита московскаго, что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ и о сугубой аллилуіи, и о прочемъ, еже писано неразумно простотою и невѣжествомъ въ книзѣ Стоглавъ, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы, православніи патріарси и весь освященный соборъ, тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ; и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, и ни во чтоже вмѣняемъ, якоже и не бысть».

Послѣ такого сонма свидѣтельствъ, такъ добросовѣстно собранныхъ самою редакціею и состоящихъ или изъ царскихъ грамотъ, или соборныхъ приговоровъ, или изъ митрополичьихъ наказовъ, кажется долженъ бы слѣдовать прямой выводъ, что въ книгѣ Стоглавъ содержится дѣяніе Московскаго собора 1551 года и что книга сія во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій была канониче-

скою книгою русской Церкви, и такою каноническою книгой, что для лишенія ея сего значенія нужно было въ 1667 году собрать въ Москвѣ новый соборъ, на который были приглашены и представители другихъ восточныхъ Церквей, патриархи: Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій; но казанская редакція пришла къ выводамъ совершенно противоположнымъ, почти къ тѣмъ самымъ, которые были высказаны ею категорически въ предисловіи. И что всего замѣчательнѣе, редакція пришла къ своимъ выводамъ, не представивъ въ ихъ опору ни одного новаго оффиціального свидѣтельства и только вскользь сославшись на одно извѣстіе Никоновской лѣтописи, которое впрочемъ говоритъ совсѣмъ не то, чего хочется редакціи; такъ что даже странно, какимъ образомъ ученая редакція рѣшилась сослаться на такое извѣстіе...

Вотъ подлинныя слова редакціи о Стоглавѣ, поставленныя какъ выводъ изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ: «Имѣя въ виду общіе недостатки просвѣщенія того времени и источниковъ просвѣщенія, а также спѣшность работы, можно допустить, что всѣ недостатки Стоглава могли быть дѣломъ самихъ членовъ собора, не исключая даже и такъ-пазываемыхъ раскольничьихъ мнѣній. Можно только догадываться, что отцы собора, не имѣя времени исправить свои записки и соображенія, или вообще не полагаясь на ихъ вѣрность, оставили ихъ неутвержденными до благопріятнаго времени, или предоставили митрополиту привести въ исполненіе, что и какъ найдетъ онъ нужнымъ». Конечно, послѣ прямыхъ дѣйствій Московскаго собора 1667 года противъ Стоглава, какъ книги канонической, на основаніи которой управлялась русская Церковь съ 1551 по 1667 годъ, не должно быть мѣста догадкамъ, отвергающимъ каноничность Стоглава. Но какъ догадки сіи уже высказаны редакціею, то теперь слѣдуетъ посмотрѣть, на чемъ же она основываетъ ихъ. Редакція говоритъ, что она основываетъ свои

догадки на слѣдующихъ дальнѣйшихъ историческихъ обстоятельствахъ.

1. Въ маѣ мѣсяцѣ 1551 года, «вся писанія царскихъ вопросовъ и святительскихъ отвѣтовъ посланы были въ Сергіеву лавру на разсмотрѣніе къ бывшему митрополиту Іоасафу; и митрополитъ, выслушавъ царское и святительское уложеніе, призналъ правильнымъ, и только сдѣлалъ нѣсколько возраженій, которыя и были приняты соборомъ и вошли въ текстъ Стоглава». Представивши эти обстоятельства, редакція заключаетъ: «значить соборная книга до пересмотра ея м. Іоасафомъ была не въ томъ видѣ, какъ нынѣшній Стоглавъ, и не была еще утверждена соборомъ въ качествѣ церковнозаконодательнаго кодекса». Дѣйствительно, Стоглавъ не былъ утвержденъ соборомъ до присылки замѣчаній отъ бывшаго митрополита Іоасафа (да противъ этого никто и не говоритъ); когда же митрополитъ Іоасафъ прислалъ свои замѣчанія, и соборъ согласившись съ ними включилъ ихъ въ Стоглавъ, то вслѣдъ за тѣмъ и Стоглавъ былъ утвержденъ соборомъ, какъ каноническая книга для русской Церкви, и въ томъ же году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, была послана въ Симоновъ монастырь грамота по Стоглаву, въ которой митрополитъ Макарій пишетъ: «по совѣту и по повелѣнію боговѣнчаннаго царя и государя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Россіи самодержца, и о святомъ Дусѣ съ своими дѣтьми, съ его богомольцы: со архіепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ русскія митрополіи, отнынѣ и впредь съ Божіею помощію соборнѣ уложимомъ по вопросамъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ и о исправленіи, о монастырскихъ чинѣхъ и общепредательномъ житіи, и о пьянственномъ питіи, и о святительскомъ судѣ и о прочихъ священыхъ чинѣхъ, по преданію св. апостолъ..., и нынѣ о томъ вкратцѣ написахомъ о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ и о прочихъ священныхъ чинѣхъ по священнымъ правиламъ, къ вамъ на соборъ послахомъ за своею

печатью». Далѣе въ томъ же 1551 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, былъ посланъ митрополитомъ Макаріемъ наказъ во Владиміръ составленный по Стоглаву и содержащій въ себѣ до тридцати главъ Стоглава. Правду сказать, казанская редакція не видала наказа во Владиміръ, но ей была извѣстна грамота въ Симоновъ монастырь, изъ которой ясно какъ день, что до іюля мѣсяца 1551 года, Стоглавъ былъ уже утвержденъ соборомъ. Притомъ, на какомъ основаніи редакція могла составить свою догадку: «что отцы собора, не имѣя времени исправить свои записки и соображенія, или вообще не полагаясь на ихъ вѣрность, оставили ихъ неутвержденными»,—когда посылка соборныхъ постановленій на просмотръ къ м. Іоасафу прямо указываетъ, что отцы собора имѣли даже время послать свои постановленія къ м. Іоасафу; а этотъ іерархъ, съ своей стороны, сдѣлавши нѣсколько замѣчаній, все остальное въ соборныхъ постановленіяхъ одобрилъ и прямо написалъ: «а то, государь, все добро, какъ въ семъ спискѣ (Стоглава) писано отъ божественнаго Писанія и отъ святыхъ правилъ». Слѣдовательно о не исправленіи и неутвержденіи здѣсь и говорить нечего.

2. «Соборная книга не была утверждена и по пересмотрѣ ея, когда были получены возраженія м. Іоасафа. Доказательствомъ сему служатъ соборные приговоры и царскіе указы, изданные въ 1551 и 1552 годахъ, о предметахъ вошедшихъ въ Стоглавъ. Приговоры эти и указы вообще изданы не въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ соборныя опредѣленія въ Стоглавъ; они то пополняютъ опредѣленія Стоглава, то сокращаютъ, то разъясняютъ, то вовсе измѣняютъ смыслъ ихъ. Всего этого не могло бы быть, еслибы Стоглавъ былъ утвержденъ, какъ каноническая книга русской Церкви» Напротивъ все это и должно быть потому, что Стоглавъ признанъ каноническою книгой, законною для управления русскою Церковію; ибо частныя распоряженія по Стоглаву, т.-е. грамоты, указы, приговоры, объясненія, дополненія и даже мѣстныя измѣненія, тогда только и имѣли мѣсто, когда

Стоглавъ былъ утвержденъ и признанъ законною книгой. Это всегда такъ дѣлалось и дѣлается: напримѣръ вслѣдъ за изданіемъ Судебника 1550 года явились въ томъ же году и въ послѣдующихъ дополнительныя и объяснительныя статьи по Судебнику, въ которыхъ иногда и измѣнялись статьи Судебника. Или обращаясь къ нашему времени мы видимъ, что вслѣдъ за изданіемъ Высочайше утвержденныхъ Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, быстро начали появляться разные дополнительные указы, наказы и инструкции, въ которыхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ Положеній разъясняются, дополняются и даже измѣняются тѣ или другія статьи сихъ положеній; и тѣмъ не менѣе положенія остаются основнымъ закономъ относительно крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

3. Редакція говоритъ: «есть слѣды того, что Стоглавъ и послѣ 1552 года не былъ утвержденъ въ качествѣ канонической книги, обязательной для русской Церкви. Въ одной древней записки о соборѣ 1554 г. говорится, что въ октябрѣ этого года царь съ митрополитомъ и со всѣмъ соборомъ разсуждалъ о прежнемъ соборномъ уложеніи, о многоразличныхъ дѣлахъ и чинахъ церковныхъ, и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправились и которыя еще не исправились». Въ настоящей запискѣ не только нѣтъ слѣдовъ того, что будтобы Стоглавъ въ 1554 году еще не былъ утвержденъ какъ каноническая книга; а напротивъ есть прямое указаніе, что Стоглавъ былъ признанъ законною книгой русской Церкви: царь потому и спрашивалъ, всѣ ли дѣла, утвержденныя Стоглавомъ, исправлены, приведены въ исполненіе, что Стоглавъ былъ уже утвержденъ какъ законная, каноническая книга русской Церкви; а еслибы Стоглавъ не былъ утвержденъ, то нечего было бы и спрашивать, все ли исполнено по немъ; ибо царь въ такомъ случаѣ получилъ бы отвѣтъ: что же спрашивать объ исполненіи? соборная книга еще не утверждена, она еще не законъ. А *исправить*

дѣло на древнемъ официальномъ языкѣ въ московскихъ владѣніяхъ значило исполнить дѣло, привести въ исполненіе законъ, и другаго значенія не имѣло.

4. Редакція продолжаетъ: «вѣрнѣе же полагать, что въ 1554 году прежняя соборная книга не только не была утверждена, но и заключала въ себѣ вопросы неизрѣшенные и рѣшенія считавшіяся сомнительными, неправильными, требовавшими исправленія и во всякомъ случаѣ неокончательными, и что даже въ 1554 году окончательнаго рѣшенія по нѣкоторымъ вопросамъ не послѣдовало. Въ этомъ убѣждаетъ насъ свидѣтельство бывшаго троицкаго игумена Артемія, осужденнаго 24 января 1554 года. Игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іона писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ-де и въ томъ ничего, прежде деи на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ-деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не dospѣли ничего.» Напротивъ свидѣтельство Артемія нисколько не убѣждаетъ въ этомъ, ибо Артемій говоритъ не о соборѣ 1551 года, на которомъ утвержденъ Стоглавъ, а о новомъ соборѣ 1554 года; въ актѣ прямо сказано, что Артемій сказалъ про нынѣшній соборъ, т. е. про соборъ 1554 года, на которомъ могъ возникнуть вновь вопросъ о крестномъ знаменіи, и при томъ не о перстосложеніи, какъ думаетъ редакція, а о томъ, знаменоватъ ли крестомъ только лице, или класть большіе кресты, т. е. сперва возлагать сложенный перстами крестъ на чело, потомъ на перси и далѣе на правое и на лѣвое плечо. Сверхъ того мнѣніе Артемія, осужденнаго соборомъ въ вольнодумствѣ, не можетъ служить доказательствомъ даже противъ собора 1554 года. Артемій могъ говорить, что соборъ не dospѣлъ ничего и быть недовольнымъ рѣшеніемъ собора, тогда какъ соборъ положилъ и утвердилъ свое рѣшеніе; могли быть и сторонники Артемія, но ихъ мнѣнія не уничтожали соборнаго рѣшенія

Игуменъ Иона прямо доносить на Артемія какъ на мятежника, непризнающаго постановленій собора.

5. Редакція говоритъ: «наконецъ мы встрѣчаемъ еще одно свидѣтельство о продолженіи соборныхъ разсужденій по вопросамъ вошедшимъ въ составъ Стоглава. Именно въ Никоновской лѣтописи подъ 1555 годомъ говорится, что по повелѣнію царя и митрополита созванъ былъ въ Москву соборъ изъ русскихъ епископовъ «о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ и многихъ дѣлѣхъ къ утверженію вѣры христіанской.» Очевидно, соборъ имѣлъ задачей пересмотрѣть тѣ дѣла соборной книги о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ, которыя еще не исправились, по отзыву собора 1554 года. О слѣдствіяхъ соборныхъ разсужденій ничего неизвѣстно; только можно догадываться, что соборъ 1555 года пересмотрѣлъ многія рѣшенія, вошедшія въ соборную книгу, исправилъ ихъ, опустилъ все лишнее и сомнительное, далъ имъ болѣе юридическую форму и опредѣлилъ издать въ видѣ наказной грамоты для руководства всему духовенству русской Церкви. Грамота эта и есть та самая, которая послана была въ Каргополь. По крайней мѣрѣ ни прежде, ни послѣ 1558 года не было, сколько доселѣ извѣстно, такого обширнаго официальнаго извлеченія изъ Стоглава, какое сдѣлано въ этой грамотѣ.» Что задолго до каргопольской наказной грамоты посылались подобныя наказныя грамоты по Стоглаву, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служить почти точно такая же наказная грамота, посланная митрополитомъ Макаріемъ во Владиміръ въ 1551 году; конечно эта грамота, когда писалось казанское послѣсловіе, еще не была напечатана, слѣдовательно редакція могла ее не знать и утверждать противное. Но я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ редакція рѣшилась сослаться на Никоновскую лѣтопись и сказать, что о слѣдствіяхъ собора 1555 года ничего неизвѣстно, а можно только догадываться, что онъ пересмотрѣлъ многія рѣшенія Стоглава и исправилъ ихъ; тогда какъ Никоновская лѣтопись именно говоритъ прямо и ясно, что со-

боръ 1555 года занимался не пересмотромъ Стоглава, а учрежденіемъ казанской епархіи, чтобъ утвердить христіанскую вѣру въ недавно завоеванной магометанской Казани. Вотъ подлинныя слова лѣтописи: «Того жъ (1555) лѣта повелѣніемъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи съдошася вси руси архіепископы и епископы, и архимариты и игумены о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ и о многихъ дѣлѣхъ ко утверженію вѣры христіанской; и царь и великій князь и митрополитъ Макарей со всеми архіепископы и епископы и со всемъ священнымъ соборомъ русскимъ по священнымъ правиломъ избрали въ казанское царство на утверженіе вѣры и приговорили быти архіепископу, а на Свіагѣ быти архимариту и игуменомъ, въ Казани у владыки архимаритъ же и игумены; а архіепископу быть подъ его областію городъ Казань со окрестными улусы городъ Свіага съ горною стороною, Васильгородъ, Вяцкая земля вся; и уложилъ благочестивый царь и великій князь Иванъ владыкѣ и всемъ церквамъ обѣщанное Богу пзо всехъ доходовъ казанскія земли десятое, а сперва митрополитъ и всѣ владыки и монастыри пособствуютъ казанскому владыкѣ деньгами и хлѣбомъ.» И въ слѣдъ затѣмъ тотъ же соборъ выбралъ по жеребью и поставилъ въ архіепископы царству казанскому и Свіажскому городу Гурія, бывшаго игумена Селижарова монастыря, и соборомъ же утвердили мѣсто архіепископу казанскому и свіажскому послѣ архіепископа Великаго Новгорода и Пскова и выше архіепископа ростовскаго. Настоящее лѣтописное извѣстіе такъ ясно и понятно для всякаго, что я просто не нахожу себѣ объясненій, откуда казанская редакція извлекла свои догадки прямо противорѣчащія лѣтописному извѣстію.

Такимъ образомъ пять историческихъ обстоятельствъ, на которыхъ казанская редакція хотѣла утвердить свои догадки о неофициальности Стоглава или его неканоничности, нисколько не подтверждаютъ сихъ догадокъ, а напротивъ одни изъ нихъ свидѣтельствуютъ въ пользу каноничности Стоглава,

а другія писколько не относятся къ Стоглаву и собору 1551 года. Но у редакціи есть еще мнимые поводы не признавать Стоглава официальною каноническою книгою русской Церкви; она говоритъ: 1) досель не найденъ экземпляръ Стоглава съ подписью отцевъ собора, или по крайней мѣрѣ одного митрополита, или *государственного дьяка*; 2) онъ не былъ разосланъ по крайней мѣрѣ къ епископамъ и поповскимъ старостамъ; и 3) списки Стоглава очень рѣдки, онъ даже не упоминается въ описи царскаго архива въ XVI столѣтіи.» Вотъ краткіе отвѣты на сіи поводы къ отрицанію. На 1-й: «судебниковъ 1497 и 1550 годовъ мы также не имѣемъ ни одного списка съ подписью государя или бояръ или дьяка; а судебники приняты наукою какъ официальные законодательные памятники своего времени; подписи же на законодательныхъ русскихъ памятникахъ въ XVI столѣтіи еще не всегда соблюдаются; такъ напримѣръ соборный приговоръ 1581 года о запрещеніи духовенству приобрѣтать вотчины мы имѣемъ безъ подписей членовъ собора. На 2-й: да едва ли была и надобность разсылать списки къ епископамъ; ибо они сами были на соборѣ и могли взять списки съ собою и потомъ передавать привезенные списки поповскимъ старостамъ въ своихъ епархіяхъ для списыванія. Въдъ въ старые годы не было такого канцелярскаго порядка, какой заведенъ теперь; мы не имѣемъ также извѣстій, чтобы разсылались и списки судебниковъ. При томъ же въ соборномъ приговорѣ 1551 года объ учрежденіи и обязанностяхъ поповскихъ старостъ въ Москвѣ прямо сказано, что митрополитъ «наказавъ ихъ довольнѣ придасть имъ законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія»; слѣдовательно поповскіе старосты должны были получать списки отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. На 3-й: списковъ Стоглава напротивъ очень много; а что Стоглавъ не упоминается въ описи царскаго архива въ XVI столѣтіи, то тамъ не упоминается и ни объ одномъ судебникѣ. Редакція говоритъ еще: «списки Стоглава въ XVII вѣкѣ до того были рѣдки, что даже въ

Москвѣ, средоточіи церковнаго управленія, трудно было найти ихъ и нужно было выписывать изъ другихъ мѣстъ.» И въ подтвержденіе своей догадки ссылается на царскую грамоту 1639 года въ Кириловъ монастырь о высылкѣ въ Москву лишнихъ въ монастырѣ книгъ, въ числѣ коихъ въ реэстрѣ поставленъ и Стоглавъ; но въ этомъ же реэстрѣ поставленъ и Судебникъ, какъ прямо сказано: «книга Судебникъ лучшей.» Слѣдовательно, принимая мнѣніе редакціи должно будетъ допустить, что и судебниковъ до того было мало въ Москвѣ, средоточіи гражданскаго управленія, что трудно было найти ихъ и нужно было выписывать изъ другихъ мѣстъ. По какимъ же законамъ тогда судили въ Москвѣ, ежели тамъ не было ни Судебника, ни Стоглава? Наконецъ къ большому убѣжденію казанской редакціи я считаю нелишнимъ представить слѣдующее свидѣтельство московскаго патріарха Адріана о каноническомъ значеніи Стоглава даже послѣ собора 1667 года. Когда по указу Петра Великаго въ 1700 году 22 февраля былъ изъ палаты, гдѣ сидѣли бояре за уложеніемъ, запросъ къ патріарху о томъ, какими законами онъ руководится въ судѣ и управленіи; то патріархъ отвѣчалъ, что у него главныя законныя книги: древняя харатейная правильная (кормчая) писанная повелѣніемъ новгородскаго князя Димитрія Александровича, Стоглавъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, и дѣянія Московскаго собора 1667 года. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ же патріархъ Адріанъ по вопросамъ изъ помянутой палаты приказалъ написать въ тетрадь нужныя выписки законовъ какъ изъ кормчей такъ и изъ Стоглава и дѣяній Московскаго собора 1667 года, при чемъ изъ Стоглава были выписаны слово въ слово съ 53 до 64 главы и выписки изъ 66 и 68 главъ. И тетрадь сія тогоже 1700 года марта въ день отправлена по повелѣнію патріарха за скрѣпою дьяковъ въ палату къ боярамъ, которые сидѣли за сочиненіемъ новаго уложенія.

Но довольно о предисловіи и послѣсловіи къ Стоглаву, которыми подарила русскую литературу ученая казанская ре-

дакція; достоинство ихъ кажется выяснено достаточно. Что же касается до самаго изданія Стоглава, то должно сказать, что оно сдѣлано съ большою тщательностію и отчетливостію; только замѣтно, что изданіе по старымъ рукописямъ для редактора было дѣломъ новымъ, а старыя рукописи, бывшія въ распоряженіи редакціи, не вездѣ удовлетворительны; но тѣмъ не менѣе должно признать, что изъ извѣстныхъ теперь изданій Стоглава казанское изданіе есть лучшее и болѣе надежное. Теперь перейдемъ къ наказнымъ спискамъ по Стоглаву, изданнымъ г. Бѣляевымъ. Наказные списки по Стоглаву, писанные одинъ во Владимірѣ въ 1551 году и другой въ Каргополь въ 1558 году, Ил. В. Бѣляевъ также снабдилъ предисловіемъ и послѣсловіемъ или замѣчаніями по поводу наказовъ.

Имѣя въ виду въ нашей литературѣ многіе голоса, отрицающіе не только официальность Стоглава, но и его историческую подлинность, и чувствуя тѣсную связь Стоглава съ издаваемыми наказными списками, ученый издатель почелъ за нужное хотя въ краткихъ, но самыхъ рѣзкихъ чертахъ показать всю несостоятельность мнѣній противъ официальности Стоглава; и съ этою цѣлію онъ начинаетъ свое предисловіе прямо опредѣленіемъ московскаго собора 1667 года объ отиѣненіи каноническаго значенія Стоглава, изъ котораго до очевидности ясно, что русская Церковь до самаго 1667 года, т. е. въ продолженіи 116 лѣтъ признавала каноническое значеніе Стоглава и не могла его иначе уничтожить, какъ по опредѣленію новаго собора, въ которомъ участвовали представители не одной русской Церкви, но и другихъ восточныхъ Церквей. Отъ опредѣленія собора 1667 года издатель переходитъ къ указанію, что ближайшіе къ собору 1667 года церковные полемики противъ раскола также не отрицали официальности Стоглава, и «только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда изсякло въ общей массѣ людей образованныхъ, а затѣмъ неизбѣжно и въ духовенствѣ, жизненное традиціонное знаніе русской старины и не замѣнилось отчетли-

вымъ научнымъ изученіемъ ея, возможны стали личныя мнѣнія о поддѣлкахъ, неофициальности и даже неподлинности Стоглава.» Это замѣчаніе такъ вѣрно и на столько подтверждается ближайшею исторіею нашей общественной жизни и литературы, что противъ него не можетъ и быть дѣльныхъ возраженій.

Дѣйствительно, наше духовенство, собственно болѣе образованное, учившееся въ школахъ, почти съ начала прошедшаго столѣтія такъ невыгодно было поставлено въ отношеніи къ традиціонному познанію русской церковной и общественной старины, такъ оторвано отъ исторической жизни собственнаго отечества, что въ нынѣшнемъ столѣтіи это традиціонное жизненное знаніе рѣшительно должно было изсякнуть; а между тѣмъ научное знаніе объ этомъ предметѣ, появившееся въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не ранѣе сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, естественно не могло еще на столько развиться, чтобы восполнить недостатокъ жизненной традиціи. Дабы вполне убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить программы ученія въ нашихъ семинаріяхъ или академіяхъ. Напримѣръ митрополитъ Платонъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія полный курсъ ученія въ московской славяно-греко-латинской академіи состоялъ только въ обученіи латинскому языку, піитикѣ, реторикѣ, философіи и богословію. Разумѣется, надо прибавить, что всѣ сіи предметы преподавались чисто схоластически, безжизненно, по малороссійскимъ или скорѣе польскимъ образцамъ. Спрашиваю: во всемъ этомъ школьномъ ученіи могла ли быть какая-либо связь съ изученіемъ русской старины церковной и гражданской? не скорѣе ли школьное ученіе разрывало въ воспитанникахъ своихъ и ту связь съ родною стариною, которая могла еще быть въ нихъ по традиціи въ жизни? А эта программа семинарскаго ученія продолжалась почти до послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія. Хотя въ послѣдней четверти этого столѣтія въ семинарскую программу и вошли новые

предметы: герминеветика, церковная общая исторія, пасхалія, пастырское богословіе и каноническое право; но по новости дѣла они были очень слабы и притомъ русская церковная исторія еще вовсе не преподавалась; первый опытъ руководства къ церковной русской исторіи былъ сдѣланъ самимъ Платономъ уже въ первые годы настоящаго столѣтія. Только уже по уставу 1808 года церковная русская исторія поступила въ число необходимыхъ предметовъ преподаванія въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ; но судя по принятому и утвержденному Синодомъ учебнику, извѣстному подъ заглавіемъ: «Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка, въ пользу духовнаго юношества,» преподаваніе русской церковной исторіи не отдѣлялось отъ общей церковной исторіи и было крайне поверхностно; а приведенный нами учебникъ при всей неудовлетворительности своей былъ единственнымъ до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда стали появляться новые учебники по русской церковной исторіи, и около этого же времени стали выходить труды по исторіи русскаго раскола. Все это вполнѣ подтверждаетъ замѣчаніе, высказанное почтеннымъ издателемъ наказныхъ списковъ по Стоглаву, и наглядно указываетъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи находятся наши духовные ученые, занимающіеся изслѣдованіями по исторіи русской Церкви, лишенные традиціоннаго знанія русской старины и еще не успѣвшіе замѣнить его отчетливымъ научнымъ изученіемъ, и тѣмъ самымъ поставленные въ необходимость сомнѣваться даже въ томъ, въ чемъ не можетъ и быть сомнѣнія, что ясно, какъ день. А необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія является то, что нашему духовенству почти нѣтъ возможности спорить съ раскольниками, которые вообще хорошо знаютъ русскую старину, особенно церковную. Многіе изъ духовныхъ, даже хорошо образованныхъ, не знаютъ и половины тѣхъ старыхъ книгъ, какъ раскольничьихъ, такъ и своихъ, на которыя ссылаются раскольники; и потому, чтобы съ первыхъ же словъ не стать

въ тупикъ, прибѣгаютъ къ сомнѣніямъ и къ отрицанію того, чего уже отрицать нельзя и не должно и даже бесполезно для самой Церкви. Лучшимъ свидѣтельствомъ всего этого служить то, что расколъ не уменьшается, а растетъ, считаетъ своихъ послѣдователей милліонами, достаточно снабженъ пользующимися уваженіемъ наставниками; и русскому православному духовенству, оторванному отъ традиціоннаго знакомства съ русскою стариною въ Великороссіи и не вооруженному строгой историко-археологической наукой, а только запутанному въ мнимо-научныхъ сомнѣніяхъ относительно русской церковной старины, почти нѣтъ возможности бороться съ расколомъ собственными силами, безъ посторонней помощи, которая конечно здѣсь приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, ибо въ дѣло убѣжденія вносить принужденіе.

Въ замѣчаніяхъ своихъ по поводу напечатанныхъ паказовъ ученый издатель представилъ опытъ строгаго историко-археологическаго изслѣдованія по двумъ особенно рѣзкимъ въ Стоглавѣ и наказахъ вопросамъ — о двуперстіи и брадобритіи. Изслѣдованіе, представленное издателемъ, не отрицая того, что опредѣленія Стоглава о двуперстіи и брадобритіи дѣйствительно составлены были отцами московскаго собора 1551 года и въ свое время вводились въ русскую Церковь, какъ законъ утвержденный верховною ея властію, тѣмъ болѣе показываетъ ихъ несостоятельность, указывая на источники, откуда они заимствованы, и на историческія обстоятельства, которыя непримѣтно ввели отцовъ собора 1551 года въ заблужденіе. Этимъ небольшимъ опытомъ строгаго научнаго историко-археологическаго изслѣдованія, съ полною увѣренностію можно сказать, почтенный издатель, вооруженный разносторонними свѣдѣніями, относящимися къ избранному имъ предмету, несравненно болѣе успѣлъ представить всю несостоятельность указанныхъ двухъ опредѣленій Стоглава, чѣмъ всѣ горячіе и задорные споры о неофициальности и такъ-называемой исторической неподлинности Стоглава, опровергаемые всѣми

возможными свидетельствами и несомненными фактами и скорѣе вооружающіе и ободряющіе раскольниковъ, чѣмъ обезоруживающіе и убѣждающіе ихъ. Ибо извѣстно, что раскольники, хорошо знающіе несостоятельность такихъ споровъ, обыкновенно только улыбаются, когда кто говоритъ имъ объ нихъ; точно также, какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія они посмѣивались, когда имъ говорили объ извѣстномъ кievскомъ соборѣ на Мартына армянина, такъ неудачно выставленномъ противъ раскольниковъ и такъ побѣдоносно разбитомъ ими въ извѣстныхъ Поморскихъ отвѣтахъ. Нынѣшнее стараніе заподозрить подлинность и каноничность Стоглава какъ разъ идетъ въ параллель съ прежними хлопотами доказать подлинность никогда не существовавшаго кievскаго собора на Мартына армянина, и производитъ тѣже неблагоприятныя для Церкви послѣдствія въ спорахъ съ раскольниками.

Приступая къ изслѣдованію вопроса о двуперстіи, г. Бяляевъ прежде всего указалъ на тѣ основанія, на которыхъ соборъ 1551 года думалъ утверждать свое опредѣленіе. Основаній сихъ въ Стоглавѣ выставлено три: 1-е проклятiе будто бы положенное св. отцами, 2-е сказаніе Мелетiя антиохійскаго и 3-е слово Феодорита. Нашъ изслѣдователь, признавши, что первыя два основанія заключаютъ въ себѣ зерно дѣйствительной христіанской древности, вслѣдъ за тѣмъ строго слѣдитъ по историческимъ памятникамъ за постепенными измѣненіями и искаженіями первоначальнаго текста сихъ основаній, доведшими ихъ до того ложнаго неправославнаго положенія, въ которомъ онѣ выставлены въ Стоглавѣ. Такъ напримѣръ относительно перваго основанія, т. е. проклятiя св. отцовъ на некрестящихся двумя перстами, онъ по указаніямъ самихъ раскольниковъ указываетъ, что оно заимствовано изъ чиноположенія, находившагося въ старыхъ письменныхъ кормчихъ: «чинъ еже кто въ ереси бывъ, крещенъ сый, и обратится, любо хвалисипъ, любо жидовинъ, любо который еретикъ». И сличаетъ этотъ чинъ на

шихъ старыхъ кормчихъ съ греческимъ патріаршимъ требникомъ IX вѣка, при чемъ открываетъ, что молитвы въ русскомъ чинѣ составляютъ буквальный переводъ молитвъ греческаго требника, но въ семь послѣднемъ проклятій нѣтъ. Далѣе въ греческихъ чиноположеніяхъ обращенія еретиковъ въ XII вѣкѣ встрѣчаются проклятія ересямъ, именно при обращеніи армянъ, и выражаются тѣми же словами, какъ и въ нашихъ старыхъ кормчихъ при обращеніи хвалисиновъ, но ни слова ни о крестномъ знаменіи, ни о перстосложеніи при крестномъ знаменіи; равнымъ образомъ и въ русскихъ кормчихъ XIII столѣтія еще не упоминается о перстосложеніи. Въ первый разъ статья о двуперстїи съ проклятіемъ появляется въ нѣкоторыхъ русскихъ кормчихъ съ XIV столѣтія, но она еще далеко не во всѣхъ кормчихъ встрѣчается и въ XV столѣтіи, только съ XVI столѣтія она попадаетъ почти въ каждой кормчей. Такимъ образомъ по строгому изслѣдованіи, основанномъ на фактахъ, ученіе о двуперстїи принадлежитъ собственно русскимъ кормчимъ и по происхожденію своему не старѣе XIV столѣтія. Доказавши недревнее происхожденіе ученія о двуперстїи, нашъ ученый изслѣдователь старается отыскать причины появленія такого ученія въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ; и соображая исторію того времени, находитъ причины сіи въ томъ, что съ XIV столѣтія начали селиться въ Галицкой Руси армяне, а потомъ мало по малу въ послѣдующее время они стали появляться и въ другихъ краяхъ русской земли и даже въ Москвѣ. Для принятія армянъ въ православную Церковь понадобился переводъ извѣстнаго въ греческой Церкви чина обращенія армянъ, принадлежащаго Исааку Католикосу; а какъ армяне, по древно-русскому переводу—хвалисины, считались у грековъ монофизитами, то по этому переводчикъ этого чина придумалъ пополнить его статью о двуперстїи, чтобы обращаемому наглядно выразить вѣру въ два естества въ Исусѣ Христѣ, въ опроверженіе мнимаго монофизитства армянъ или хвалисиновъ. Къ тому же въ концѣ

XV и началъ XVI вѣка появилась на Руси, сперва въ Новгородѣ и Псковѣ, срьсь жидовствующиыхъ, лжеученіе которыхъ имѣло довольно сходства съ правилами отреченія въ чинѣ принятія хвалисиновъ, слѣдовательно и къ нимъ понадобилось отнести требованіе двуперстія. И отсюда неудивительно, что въ XVI столѣтіи въ русскихъ кормчихъ уже очень часто является чинъ обращенія хвалисиновъ и жидовиновъ съ проклятіемъ на неблагоговящихъ и некрестящихся двумя перстами. Такимъ образомъ одно изъ основаній, на которомъ Стоглавъ думалъ утвердить свое постановленіе о двуперстіи, хотя и не имѣло такой церковной древности, которую ей стараются приписать раскольники, однако по отношенію ко времени, когда оно появилось, оно имѣло за себя много, «какъ одно изъ средствъ противъ жидовствующихъ, съ которыми въ концѣ XV и началъ XVI вѣка шла самая ожесточенная борьба и въ Москвѣ и въ Новгородѣ и во всей Сѣверной Руси, какъ можно судить по сочиненіямъ Юсифа Волоцкаго и его ученика митрополита моск. Данила. Ко времени стоглавнаго собора эта борьба конечно стала поутихать; но тѣмъ не менѣе средства, которыя русская Церковь употребляла противъ жидовствующихъ, въ это время пользовались большимъ уваженіемъ; а потому и ученіе о двуперстіи, какъ одно изъ сихъ средствъ, естественно легко могло войти въ число постановленій Стоглава, и даже на московскомъ соборѣ 1551 года едвали могло быть серьезное возраженіе противъ сего постановленія.»

Отъ мнимаго проклятія святыхъ отцовъ на некрестящихся двумя перстами ученый издатель наказныхъ списковъ переходитъ къ остальнымъ двумъ основаніямъ Стоглава въ подтвержденіе ученія о двуперстіи, къ Мелетіеву сказанію и слову Θεодорита, и доказываетъ по древнимъ памятникамъ, что Мелетіево сказаніе дѣлается общимъ въ русскихъ прологахъ въ томъ видѣ, въ какомъ записано въ Стоглавѣ, не ранѣе конца XV вѣка и явно искажено противъ греческаго сказанія Никифора Каллиста. Что же касается до Θεодоритов-

слова, то его въ твореніяхъ блаженнаго Феодорита, по греческимъ собраніямъ его сочиненій, вовсе не имѣется; оно есть произведеніе чисто русское и при томъ весьма позднее, гораздо позднѣе, нежели чинъ присоединенія хвалисиновъ и искаженное сказаніе о Мелетіи; первое упоминаніе о немъ, по указанію самихъ раскольниковъ, находится въ словѣ московскаго митрополита Даніила, на тему: «яко пріяхомъ преданія писанаа и неписанаа, и да знаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращаться въ молитвахъ и зрѣти, сице же и кланятися подобаетъ». Сіи два основанія, появившіяся на Руси не ранѣе конца XV вѣка, очевидно, наравнѣ съ первымъ основаніемъ, были направлены противъ ереси жидовствующихъ, появившейся около тогоже времени; слѣдовательно, для московскаго собора 1551 года имѣли свой историческій жизненный смыслъ, по которому отцы собора должны были дорожить ими, или, по крайней мѣрѣ, смѣрять на нихъ благопріятно.

Что же касается вопроса о брадобритіи, при рѣшеніи котораго въ Стоглавѣ выставлены два основанія, одно подъ именемъ правила трульскаго собора, а другое подъ именемъ постановленія святыхъ апостолъ; то издатель наказныхъ списковъ по Стоглаву, въ своихъ замѣчаніяхъ, ясно доказываетъ по памятникамъ, что они въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ выставлены въ Стоглавѣ, являются на Руси одно только въ концѣ XV, а другое въ началѣ XVI столѣтій, и не принадлежать ни къ подлиннымъ постановленіямъ апостольскимъ, ни къ правиламъ трульскаго собора. Нашъ изслѣдователь даже показалъ по памятникамъ, какъ и изъ чего они образовались на Руси. Относительно же соображеній своихъ о причинахъ, вызвавшихъ вопросъ о брадобритіи, издатель наказныхъ списковъ отсылаетъ къ своей превосходной статьѣ «объ историческомъ значеніи дѣяній московскаго собора 1551 года», помѣщенной въ IV книгѣ Русск. Бесѣды за 1858 годъ.

Окапчивая обзоръ строго-научныхъ замѣчаній издателя наказныхъ списковъ по Стоглаву, мы можемъ только радоваться ихъ появленію и пожелать, чтобы наши ученые изслѣдователи исторіи и археологіи русской Церкви, бросивъ безплодные педоумѣнія и споры о подлинности или неподлинности Стоглава и о его каноническомъ или неканоническомъ значеніи, принялись по проложенной издателемъ наказовъ дорогѣ за чисто научное изученіе всѣхъ статей Стоглава въ томъ видѣ, въ какомъ онъ до насъ дошелъ. Это изученіе принесло бы огромную пользу для исторіи русской Церкви, сколько въ отношеніи къ спорамъ съ раскольниками, столько, или еще болѣе, въ отношеніи къ изученію церковнаго устройства и опредѣленію отношеній нашей Церкви къ гражданскому обществу и государству въ XVI, XVII и частію въ XVIII столѣтіяхъ. Ибо и московскій соборъ 1667 года, отвергнувши рѣзко неправославныя постановленія Стоглава, тѣмъ не менѣе не касался многихъ другихъ его постановленій и даже не находилъ нужнымъ поднимать о нихъ вопросъ, чему лучшимъ доказательствомъ служить свидѣтельство московскаго патріарха Адріана, который, какъ мы уже видѣли, въ 1700 году признавалъ Стоглавъ, какъ каноническую книгу на равнѣ съ кормчей и дѣяніемъ московскаго собора 1667 г. А духовный Регламентъ Петра Великаго составленъ чуть ли не подъ вліяніемъ Стоглава, по крайней мѣрѣ основной смыслъ многихъ постановленій и въ Стоглавѣ и въ Регламентѣ одинъ и тотъ же, что до очевидности ясно при сличеніи многихъ правилъ Регламента съ правилами Стоглава: напримѣръ въ Регламентѣ § 4 читаемъ: «собственно же и прилежно розыскивати подобаетъ оныя вымыслы, которые челоувѣка въ недобрую практику или дѣло ведутъ и образъ ко спасенію местный предлагаютъ. Напримѣръ не дѣлать въ пятокъ и празднованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гибъваетъ на непразднующихъ и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ ластупаетъ». И въ Стоглавѣ находимъ въ царскихъ вопросахъ вопросъ двадцать первый: «по погостамъ и по се-

ламъ ходять лживые пророки, мужики, и женки, и дѣвки, и старыя бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдати христіанамъ каноны, они же заповѣдуютъ въ среду и въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать, и жепамъ не прясти и платья не мыти и каменія разжигати». Или въ Регламентѣ, въ числѣ должностей епископа, § 8 сказано: «епископу смотрѣть, чтобы монахи не волочились безпутно, и лишнихъ церквей безлюдныхъ не строено, и для надзора имѣть заказчиковъ или благочинныхъ». Тоже самое находимъ и въ Стоглавѣ въ главахъ 34, 84 и 85.

Но не такъ смотрять на дѣло защитники мнимои неподлинности и неофициальности Стоглава; они нисколько не дорожатъ строго-научнымъ изученіемъ памятника и даже не замѣчаютъ всей благотворности такового изученія; имъ особенно нравятся безплодные, чисто внѣшніе споры и недомѣнкія; они за нихъ только и стоятъ (*). Такъ казанская редакція Стоглава, или точнѣе бакалавръ казанской духовной академіи г. Добротворскій, объявившій въ мартовской книжкѣ Православнаго Собесѣдника за нынѣшній годъ, что онъ одинъ по порученію редакціи занимался изданіемъ Стоглава и написалъ къ нему предисловіе и послѣсловіе, прямо объявляетъ, что онъ недоволенъ тѣмъ, что издатель наказныхъ списковъ по Стоглаву привелъ свидѣтельство московскаго собора 1667 года о подлинности и официально-сти Стоглава, и говоритъ: «напротивъ этотъ соборъ не призналъ каноническаго значенія собора 1551 года и запретилъ на будущее время признавать его, и представилъ основанія для своего запрещенія». Продолжать споръ съ г. Добротвор-

(*) Я не спорю, что споры о подлинности и каноническомъ значеніи Стоглава принесли наукѣ значительную пользу, какъ сторона отрицательная, возбудившая къ изслѣдованіямъ относительно внѣшней исторіи Стоглава; но споры сіи уже сослужили свою службу, и продолжать ихъ и настаивать на нихъ теперъ дѣло вовсе безплодное для науки. И. Б.

скимъ о предметъ, который, кажется, уже достаточно объясненъ мною выше, я не нахожу нужнымъ и не желаю изъ уваженія къ трудолюбію г. Добротворскаго, которое онъ выказалъ при составленіи послѣсловія къ своему изданію Стоглава. Дѣло очень естественное, что г. Добротворскому желательно отстоять свои мнѣнія, во что бы то ни стало; но также естественное и обязательное дѣло каждому, уважающему свои мнѣнія, уважать и мнѣнія другихъ, и ежели они покажутся невѣрными, опровергать ихъ спокойно и строго, а не издѣваться надъ ними, не дѣлать изъ нихъ шутовскихъ фарсовъ. Объ этой-то непремѣнной обязанности ученаго г. Добротворскій вовсе позабылъ, и по случаю догадки г. Бѣляева о словѣ Θεодорита умудрился разыграть жалкую роль фельетониста какой-нибудь легкой газеты.

Издатель наказныхъ списковъ по Стоглаву И. В. Бѣляевъ въ № 10 газеты «День» помѣстилъ свою догадку о томъ, что приписываемое въ Стоглавѣ Θεодориту слово о двуперстїи принадлежитъ не греческому учителю Θεодориту блаженному, а Соловецкому священно-икону Θεодориту, въ послѣдствїи архимандриту Спасо-Ефиміевскаго суздальскаго монастыря, жившему въ XVI вѣкѣ и пользовавшемуся у современниковъ большимъ уваженіемъ за свою строгую благочестивую жизнь, за свои познанія и миссіонерскіе подвиги въ землѣ лопарей. Въ объясненіе своей догадки г. Бѣляевъ на первый разъ привелъ слѣдующія соображенія. Ученіе о двуперстїи, появившееся въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси, при обращеніи армянъ-монофизитовъ, въ XV и XVI вѣкахъ особенно распространилось въ Новгородъ и Псковъ при борьбѣ съ ересью жидовствующихъ; священно-иконъ Θεодоритъ жилъ и прославился подвигами благочестія, строгой жизни, распространенія и утвержденія христіанства преимущественно въ новгородскихъ владѣніяхъ и постоянно поддерживалъ связи съ людьми новгородскаго направленія въ церковныхъ дѣлахъ, слѣдовательно легко могъ усвоить себѣ новгородское ученіе о двуперстїи и какъ человекъ горячо

преданный дѣлу успѣлъ формулировать это ученіе, уже имѣвшее на своей сторонѣ утвердившійся обычай. А какъ Θεодоритъ пользовался большимъ уваженіемъ современниковъ, то соборъ 1551 года и принялъ его изложеніе о двуперстіи за одно изъ основаній своего опредѣленія по сему же вопросу, и можетъ-быть вслѣдъ за современниками приписывалъ слово о двуперстіи блаженному Θεодориту греческому, какъ, по указанію князя Курбскаго, у нѣкоторыхъ иноковъ на Руси въ то время былъ обычай дѣлать къ русскимъ сочиненіямъ надписанія греческихъ отцовъ Церкви. Конечно соображенія, выставленныя г. Бѣляевымъ, для объясненія своей догадки, еще не рѣшаютъ дѣла, они только возбуждаютъ къ новымъ обширнѣйшимъ изслѣдованіямъ, и выставлены г. Бѣляевымъ не какъ рѣшеніе вопроса, а только какъ догадка, что прямо и сказалъ г. Бѣляевъ въ заключеніи своей статьи: «впрочемъ пусть судятъ объ этомъ другіе, уважаемые нами дѣятели на поприщѣ русской исторической науки». Г. Добротворскому догадка и соображенія г. Бѣлева показались неудовлетворительными. Конечно, здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго,—это естественно, что одному одно кажется удовлетворительнымъ, а другому тоже представляется неудовлетворительнымъ, это въ порядкѣ вещей, это даже полезно для той и другой стороны, ибо ведетъ къ разъясненію дѣла. Но вотъ что удивительно и чего никакъ нельзя ожидать въ серьезномъ спорѣ: зачѣмъ г. Добротворскій дозволилъ себѣ написать слѣдующія строки: «если яснѣе представить ходъ умозаключеній издателя наказовъ, то выйдетъ слѣдующій: 1) Армяне жили въ Галицкой Руси и бывали въ Москвѣ въ половинѣ XVI столѣтія, а Θεодоритъ въ началѣ его жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ и до половины подвизался на глубокомъ сѣверѣ; слѣдовательно онъ написалъ слово Θεодоритово. 2) Въ Новгородѣ была ересь жидовствующихъ въ концѣ XV вѣка, противъ которой тамъ распространилось двуперстіе; а Θεодоритъ получилъ посвященіе въ Новгородѣ и жилъ тамъ два года; слѣдовательно онъ написалъ слово о

двуперстіи. 3) Временемъ его дѣятельности было митрополитство Даніила, Іоасафа и Макарія, а Даніиль училъ двуперстію; слѣдовательно Θεодоритъ написалъ слово о двуперстіи. 4) Курбскій хотя и хвалилъ чрезмѣрно Θεодорита, но онъ писалъ во Псковъ посланіе о жлесловесникахъ, выдающихъ свои сочиненія за отеческія писанія; слѣдовательно Θεодоритъ писалъ слово о двуперстіи. И наконецъ 5) Соловецкій монастырь чрезъ сто лѣтъ слишкомъ сдѣлался центромъ раскола; слѣдовательно Θεодоритъ написалъ слово о двуперстіи». Я не спорю, что все это смѣшно и забавно какъ балагаиная шутка,—но вѣдь ничего подобнаго нѣтъ въ соображеніяхъ и догадкѣ г. Бѣляева, все это измыслилъ самъ г. Добротворскій, перетолковавши показанія г. Бѣляева по-своему. Я не спорю также, что подобная работа во все нетрудна и для фельетониста какой-нибудь газетки очень сподручна и выгодна; редакторъ подобной газеты похвалитъ и очень похвалитъ какого-нибудь бойкаго ученика гимназіи или семинаріи, если тотъ принесетъ для газеты подобную статейку своего издѣлія. Но конечно никто не будетъ спорить со мной, что подобная работа вовсе не къ лицу бакалавру духовной академіи и нисколько не прилична въ серьезномъ ученomъ спорѣ. И я просто не понимаю, какъ почтенная редакція Православнаго Собесѣдника рѣшилась на страницахъ своего серьезнаго журнала напечатать такой фарсъ. Я даже не рѣшился бы и указывать на такой фарсъ, еслибы не питалъ полнаго уваженія къ почтенной редакціи Православнаго Собесѣдника, обогатившей русскую ученую литературу многими прекрасными и капитальными статьями, помѣщенными въ Православномъ Собесѣдникѣ.

Иванъ Бѣляевъ.